

17. Філософський словник: 2-е вид., перероб. і доп. / за ред. В. І. Шинкарука. – К.: Голов. ред. УРЕ, 1986. – 800 с

18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Електронний ресурс] / С. Хантингтон. – Режим доступу: http://ecsocman.hse.ru/data/056/785/1219/Sotsis_09_06_p95-102.pdfhttp://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hant/index.php

19. Jameson F. Notes on globalization as a philosophical issue [Електронний ресурс] / F. Jameson, M. Miyoshi // In The Cultures of Globalization. – Режим доступу: <http://www2.warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/resourcefictions/jamesonglobn.Pdf>

Малахова О. М. Ценности культуры в условиях глобализации.

Анализируются причины и последствия трансформации системы ценностей в современную эпоху. Раскрыто влияние культурной глобализации и обусловленной ею интеграции, унификации культур, межкультурного взаимодействия на изменения ценностных ориентиров. Доказано, что одним из последствий этих процессов является метиссаж ценностей, сложившихся в национальных культурах. Раскрыты причины проявления ценностного релятивизма. Проанализировано влияние современных реалий на изменение ценностных приоритетов, утверждения доминирующей роли поздравительных

ценностей в глобализированной культуре. Рассмотрено положение традиционных ценностей в настоящем. Выявлено отрицательное влияние глобализации на ценностные основы общества, которые формировались поколениями.

Ключевые слова: ценности, глобализация, культурная глобализация, межкультурное взаимодействие, метиссаж ценностей, ценностный релятивизм.

Malakhova O. Values of culture in a process of globalization.

The reasons and consequences of the transformation of values in modern era are actualized. The impact of cultural globalization and integration caused by it, unification of cultures, intercultural interaction on changing values are revealed. The statement that one of the consequences of these processes is metissage of values of national cultures is proven. The causes of value relativism expressions are revealed. The influence of current realities on changing of value priorities, strengthening the dominant role of vital values in a globalized culture are analyzed. The situation with traditional values in the present is considered. Negative impact of globalization on the value bases of society formed by generations is proved.

Keywords: values, globalization, cultural globalization, intercultural interaction, metissage of values, value relativism.

Надійшла до редколегії: 03.02.2014 р.

УДК 32.019.51-659.443

И. В. Мацышина

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

МЕЛАНХОЛИЯ КАК КОНТРОЛЬ НАД ЭМОЦИЯМИ

Анализ эмоционального на уровне меланхолии позволяет проследить механизм контроля над субъектом. Актуализация или игнорирование меланхолии с помощью СМИ задаёт границы субъективной рефлексивности на событие. Утрата кодирования ситуации и способности самостоятельно её оценивать приводит к вытеснению эмоций из сферы личного. Отсюда видимое (на уровне визуального проявления переживаний) подвергается контролю власти.

Ключевые слова: коммуникация, меланхолия, рефлексия, сенситивность, эмоции.

Очень соблазнительно, принимая во внимание работу печали, искать путь к изображению меланхолической работы.

З. Фрейд

Правила употребления эмоциональной системы знаков создают не только структурное поле для обмена информацией, но и одно из условий реализации личности. Эмоции в этом контексте понимаются как средства передачи информации. Поэтому их существование влияет как на форму передачи, так и на

процесс восприятия. Сегодня, по мнению П. Бурдье, чувства являются не столько эмоциональным зеркалом духовного содержания человека, сколько неотъемлемой частью социального поведения. А отсюда они входят в набор символического капитала для позиционирования субъекта в социуме.

Одним из примеров воздействия эмоционального в социальной структуре коммуникативного акта является феномен меланхолии. Это и есть предмет исследования данной статьи. История происхождения, анализ влияния и изменение меланхолических форм под воздействием исторических и культурных норм явились координатами, через которую я попытаюсь провести ось меланхолии, где будут прослеживаться переменные составляющие меланхолического поведения и их зависимость от коммуникативного акта в разрезе политического. Основные вопросы, которые были поставлены в начале работы:

1) всегда ли человек получает знания из опыта и как на примере меланхолии происходит технология влияния на эмоции человека;

2) как демонстрация или сокрытие демонстрации чувств на момент передачи информации контролирует реципиента;

3) с помощью каких механизмов происходит государственный контроль над эмоцией.

Среди исследователей, которые уделили достаточно внимания феномену «общества переживаний» являются работы Д. Белла («Грядущее постиндустриальное общество»), И. Гофмана («Представление себя другим в повседневной жизни»). Также большой интерес в данном вопросе представляет концепция «эмоционального труда», которая была впервые предложена социологом Арли Хохшильдом в 1983 г. в книге «The Managed Heart» («Управляемое сердце»). Эмоциональный труд, по мнению автора, – это работа, которую мы выполняем с помощью наших чувств. Истории меланхолии посвящена работа Карин Юханнисон, где автор демонстрирует логику изменений чувств в историческом процессе развития общества. Немаловажен и психологический феномен меланхолии на уровне «работы скорби», который обосновал З. Фрейд.

Понятие меланхолии тесно связано с депрессией, которая в клинике рассматривается как заболевание или расстройство психики. «Сам термин «депрессия» появился в XIX веке, в связи с описанием Э. Крепелиным маниакально-депрессивного психоза. Широко употреблять термин в клинике стали в середине XX века, в руководствах по классификации болезней» [3, с. 4-5]. Меланхолия как расстройство психики связана со сменой настроения, снижением активности, нарушением устоявшегося баланса отношений, которые чреваты ссорами и отстранённостью. Самоуничтожение, как следствие меланхолии, способно привести не только к мыслям о самоуничтожении, но и к поступкам. Хотя, с другой стороны, наличие меланхолии является и наличием совести, которая умеет размышлять.

У З. Фрейда в работе «Печаль и меланхолия» (или «Скорбь и меланхолия») используется понятие «работа скорби», которое заключается в том, чтобы «убить смерть». Этот процесс скорби заключается не только в потере близкого человека, но и в отношении потери иных объектов (веры, родины и т.д.). Здесь т.н. «утраченный объект» сопряжён переживанием во времени, пережив которое, субъект возобновляет интерес к жизни. Таким образом, скорбь помогает совершить «перезагрузку» и вывести человека на новый виток его жизнедеятельности. По мнению З. Фрейда, в процессе скорби связь человека с утраченным объектом ослабевает и становится свободным от него. В этом понимании работа скорби уничтожает власть одного, предоставляя новые условия развития для другого.

Однако есть и другая разновидность скорби, которая более растянута во времени. Печаль становится не временным явлением, а патологическим состоянием субъекта, который до конца объект так и не смог потерять. Этим видом скорби, по мнению З. Фрейда, и является меланхолия. Её влияние заключается и в том, что помимо переживаний по поводу утраты объекта человек переживает утрату и своего собственного «Я». Это приводит к жалобам меланхолика на самого себя другим, что, как замечает З. Фрейд, является жалобой на Другого. «Благодаря бегству к «Я», любовь была избавлена от полного уничтожения. После этой регрессии либидо процесс может стать сознательным и представляется сознанию как конфликт между частью «Я» и критической инстанцией» [7]. Здесь социальная обусловленность, которая находится под контролем власти (например, социальная политика), в состоянии контролировать данный внутренний конфликт. Неудовлетворённость условий для реализации личных амбиций переносится на внутреннюю неудовлетворённость. Таким образом, действия власти, с одной стороны, направлены на улучшение условий проживания (дотации, субсидии, льготы). Но, в тоже время, подобная помощь не выводит из внутреннего конфликта субъекта. Смягчение условий происходит без конечного варианта выхода из печали.

Елизавета Зельдина в своей работе «Меланхолия, депрессия, счастье» отмечает ещё один момент в меланхолии, который используется на уровне власти. «... Настроение здесь не представляет первоценности, речь идет о расставании с объектом, с поиском возможностей признать и пережить утрату, освободить я от патологической связи с объектом, оплакать его, обвинить, отпустить» [3, с. 8]. Подобным методом действует и идеологическая машина, которая постепенно меняет понятия, внося изменения в

смысловую структуру. К примеру, демократия, как режимное условие политического пространства, пристёгивается к инициативе сверху и минимизирует инициативу снизу. В Украине власть пытается переключить на свою сторону действия общественных организаций путём создания подконтрольных ей организаций. Это приводит к тому, что положительные сдвиги в решении социальных вопросов записываются в послужной список чиновников. Или вопрос о демократических инициативах. Открытость информационной политики позволяет собрать информацию о существующих проблемах в стране. Обратная связь приносит необходимую информацию снизу, которая, затем оформляется в демократические инициативы сверху. Таким образом, реципиент расстаётся с объектом демократии, делегировав его в сферу политического олимпа.

Джудит Батлер в своей работе «Психика власти» также обращает внимание на место меланхолии в социальной жизни общества. Психика власти, по мнению Д. Батлер, связана с механизмом чувственных переживаний субъекта. И здесь меланхолия является формой собственного подчинения (что расходится с теорией власти М. Фуко). По мнению Д. Батлер, власть обладает механизмом социальной меланхолии и его воздействие усугубляет печаль каждого. Это чревато самостоятельным выходом из социума (самоубийство). Механизмом социальной меланхолии власти является молчаливое непризнание из ряда вон выходящих явлений в обществе. «И где нет публичного признания или дискурса, через которые подобная утрата может быть названа и пережита, там меланхолия охватывает культурные измерения соответствующего значения» [1, с. 117]. Другими словами, когда тебя не замечают, тебя социально нет. Отсутствие обратной связи приводит к нарушению или приостановке коммуникации. Именно «социологическая драматургия», по И. Гофману, формирует макроуровневые процессы социальной коммуникации. Они основаны на представлении индивида о самом себе, которое он демонстрирует в социум. Его социальная роль проигрывается им через ритуалы, направленные на поддержание другого в коммуникации. Сознательное отсутствие поддержки приводит не только к нарушению коммуникации (сбою ритмики ритуала), но и к изменению микроуровневых процессов, которые грозят потерей утраты смысла самоощущения личности.

Примером подобного разложения является фильм Ларса фон Триера «Меланхолия», где гибель планеты выступает метафорой осознанного самоуничтожения, как следствие социально сложившихся обстоятельств. Наличие меланхолии нарушает

привычную схему существования в виде собственного сдерживания. Замедление времени в виде проблемы с передвижением противопоставляется тленности будничных дней. Героиня фильма Жюстин не в состоянии найти своё место в социальном мире. Волна депрессии приближает планету Меланхолия к планете Земля. Как отмечает Галина Русецкая в своей работе «Реставрация печали или путеводитель по утрате»: «Абсолютно внутреннее» смыкается с абсолютно внешним порядком человеческого (космосом), выбраковывая область социальных конвенций, утративших не только смысл, но и автоматизм» [3, с. 68]. Присутствие бессмысленности становится не только личным уделом персонажа фильма, сам финал фильма превращает в бессмысленность планету, населённую людьми. Отчаяние в фильме есть следствие тоталитарности, где существованию общества предписываются заранее уготованные действия. И конец общества означает выход за пределы тоталитаризма. Можно согласиться с Г. Русецкой, которая резюмирует: «Фильм Триера – это симптом забвения печали, забвения космического масштаба. Но «Меланхолия» не только экспонирует феномен меланхолии – завораживающей, пугающей и прекрасной одновременно. Он подвигает и к работе печали, оплакиванию нераспознанных возможностей жизни» [3, с.70]. Но здесь ещё нужно обратить внимание на главную героиню фильма, которая за несколько часов «работы своей печали» разрушила всё, чего она достигла за несколько лет. Её личное разрушение превратило в разруху и её планету. Однако из всех героев Жюстин самая благоразумная в своих последних действиях в фильме. Поэтому работа печали превращает меланхолика в рационалиста, который способен в минуты страха принимать разумные решения. Вот этот момент и является ответом на вопрос: почему контроль над меланхолией так важен в сфере власти. Позволять субъекту самостоятельно контролировать «работу печали» – это значит позволить ему осознанно стать рационалистом. И одной из тактик «организованной работы печали» является игнорирование наличия поводов для меланхолии.

Жизнь социума без переживаний конституирует контроль. То, на что не обращают внимания, становится вне социальной бытийности, теряет статус общественной значимости. «Меланхолия отщепляет субъект, отмечая предел его приспособляемости. Поскольку субъект не рефлексует над утратой и не может этого делать, утрата отмечает предел рефлексивности, который выходит за рамки ее замкнутой цепи и обуславливает ее. Понимаемая как исключение, перекрывание, эта утрата дает субъекту начало и угрожает ему разложением» [1, с. 32-33]. Изображение

умственного расстройства Жюстин привело не столько к потере объекта в скорби, сколько и к потере самой скорби через праздник смерти. Невидимое, не осознаваемое до конца саморазрушение с помощью меланхолии является репрезентируемой идеей в фильме.

Другим примером визуализации меланхолии является гравюра немецкого живописца А. Дюрера «Меланхолия» («Melencolia»), которая была выполнена в 1514 году. Иконографию анализа изображения можно провести, опираясь на иконологический метод Э. Панофского.

1) Доиконографический:

Фигура молодого человека в удручённой позе, правая рука подпирает голову. В левой руке герой держит циркуль, на поясе висят ключи. Рядом сидит ангел, лежит собака, вокруг разбросаны рабочие инструменты. На стенах висят часы, магический квадрат. В небе радуга и яркая комета, впереди которой изображено летящее животное с распростёртыми крыльями с названием самой гравюры.

2) Иконографический:

Магический квадрат состоит из 16 квадратов, где сумма по горизонтали, вертикали и даже диагонали равна 34. Исследователи отмечают, что два средних числа в нижнем ряду указывают дату создания картины (1514). Известно, что Меланхолия — дочь Сатурна, всегда изображается с различными орудиями в руках (наиболее часто с линейкой, треугольником, циркулем и т.д.). Во времена А. Дюрера меланхоликов делили на три типа:

А. Дюрер «Меланхолия» («Melencolia I»)

1) те, которые с богатым воображением – художники, поэты; 2) те, у которых рассудок преобладает над чувствами – учёные, государственные деятели; 3) те, у которых развита интуиция – богословы, философы. Поскольку в названии гравюры присутствует цифра 1, то, по всей видимости, А. Дюрер относил себя к первому типу меланхоликов.

3) Иконологический:

Сам Э. Панофский при анализе гравюры пришёл к тому, что ««Меланхолия» – духовный автопортрет Дюрера» [8, с. 209].

А вот Ф. Закль так «прочитывал гравюру»: «Застывшая фигура символизирует тщетность науки. Это слияние геометрии, отступившей перед меланхолией, и меланхолии, слившейся с абстрактной геометрией, придает «Меланхолии I» загадочную силу» [5, с. 112].

Ещё одно мнение П. Рикёра, который заметил, что «человек Возрождения готов биться об заклад, настаивая на том, что меланхолия может быть «melancholia generosa» (благодарная меланхолия (лат.)). [5, с. 111].

Среди интерпретаторов гравюры были и историки искусства В. Беньямин, Г. Вельфлин, Ф. Йейтс, которые видели иную иконологию в гравюре.

Сама история меланхолии очень подробно отражена в работе Карин Юханнисон. «У меланхолии есть история. Как на уровне конкретного человека, так и на уровне общества чувства имеют историческую обусловленность» [9, с. 8]. Культурное пространство современности, по мнению автора, является задаваемым тоном восприятия окружающего мира. «Мужская слеза в XVII веке символизировала восторг, в XVIII – сочувствие, в XIX – недостаток самообладания. Любая попытка истолковать язык чувств и эмоциональные проявления без учёта исторической перспективы заранее обречена на провал» [9, с. 9]. До XVIII века чувства скрывались, а в период развития механики чувственность становится проявлением человека. Так появилась отличительная черта человека от машины – его чувства становятся видимыми. С этого момента их наличие попадает в поле зрения власти. Чувственность становится коммуникативным средством. Это приводит к развитию т.н. сенситивности – свойство социального взаимодействия, при котором каждый человек испытывает на себе влияние других людей и сам, в свою очередь, влияет на них [9, с. 103]. Активизация чувственности приводит к установлению внутрисоциальных связей. Понимание происходит не столько благодаря языку, сколько благодаря невербальному общению. Его не стесняются, его демонстрируют для того, чтобы на нём говорить. К. Юханнисон делает акцент на том, что в каждый исторический период есть «модели чувств и настроений».

Желание и способность человека к самовыражению актуализирует поведенческую активность. Эта активность у И. Гофмана состоит из двух уровней:

- произвольное самовыражение, которым индивид даёт информацию о себе (вербальная символика);

- непроизвольное самовыражение, которым он выдает себя (невербальная символика) [2].

И. Гофман в своей работе «Представление себя другим в повседневной жизни» указывает на выразительные приёмы, которые человек использует в процессе коммуникации: личный передний план. «В качестве элементов личного переднего плана можно назвать: отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, габариты и внешность, осанку, характерные речевые обороты; выражения лица; жесты и т. п.» [2]. Иногда удобно делить личный передний план на внешний вид и манеры, в зависимости от функций передаваемой информации. Здесь к внешним видам и манерам можно отнести и переживания, которые становятся отдельным языком представления посредством личного переднего плана. Заложенные в манеры переживания выстраивают ритуальный коммуникативный конструкт как ретранслятор чувств и эмоций внутреннего мира. Благодаря этому возможна идеологическая подоплёка любого визуального мотива. Изображённые эмоции посредством коннотации не только в состоянии передать чувства объекта переднего плана, но и в привязке к заднему плану будут создавать дискурсивное поле.

Анализ феномена переживаний на уровне меланхолии позволяет сделать вывод, что сегодня мы имеем дело с таким формирующимся явлением, как эмоциональная коммуникация, которая стала следствием эмоционального капитализма. Поскольку современным товаром стали чувства, то они же закладываются в успех коммуникативного воздействия. И контроль над процессом их ретрансляции является уделом не только управленцев, но и менеджеров по управлению эмоциями (PR-агенты, рекламщики и т.д.). Отсюда можно получить следующие выводы:

- 1) личный опыт современного человека является не только накопленным знанием из повседневной практики, но и опытом видения. Наблюдения за чужим опытом (как и за чужими переживаниями) через визуальные носители становятся личным опытом наблюдателя. В последнее время стала популярна теория зеркальных нейронов. И если среди психологов она вызывает массу вопросов, то в отношении корректировки коммуникации наличие зеркальных нейронов направляет опыт видения в поведенческую практику общения. К чему это приводит? К обратной связи между

отправителем и получателем информации. Визуальные составляющие меланхолии транслируются посредством каналов передачи информации и формируют депрессивное состояние получателя информации. Не пережив меланхолию в реальной жизни, человек начинает её ощущать посредством опыта видения. Угроза страха приводит к поиску выхода из него. Так развивается технология привязки эмоций к каналу передачи информации.

- 2) Ориентация в интеракции основана на переживании, которое присутствует в любой рассказанной истории для получателя информации. К примеру, успешное рекламное предложение сегодня основано на триаде: сырьё – товар – впечатление. Сама рассказанная история строится на акте переживания, который лежит в структурной основе биографий героев рассказа (автобиографий). Через тернистый путь испытаний, который герой публично демонстрирует через переживания, она воплощается в опыт зрителя через визуальное наблюдение. С другой стороны, этим пользуются средства массовой информации во время формирования общественного мнения. К примеру, формирование новостного сюжета происходит таким образом, чтобы подвести к самостоятельному выводу зрителя в нужном направлении. Так, архетип Спасителя пристёгивается к образу власти, которому осознанно делегируются эмоции и симпатии зрителя. Страх позволяет держать под контролем внимание, которое наращивается методом смены форм подачи информации (жанровый калейдоскоп). Апогеем должен стать какой-то факт, который будет подан как разрешение ситуации. Это приводит к сублимации переживаний. Что это даёт? Контроль над эмоцией с помощью нарратива в пространстве СМИ.

- 3) Правильно сформированный нарратив в пространстве СМИ расставляет акценты и формирует ритмику переживаний. То, что публичное, становится легализованным, а значит, допустимым. То, что за его пределами, является ничем. Иными словами, что является видимым, имеет право на существование. Существует несколько базовых источников, которые задают модели эмоциям. Это миф, ритуал, искусство и СМИ. С помощью визуального опыта у человека вырабатывается схема развития и подавления переживаний. Эта схема работает в следующем направлении: событие – кодировка – оценка – готовность к действию. Чтобы эта схема работала, необходима личная вовлечённость человека в событие. Заинтересованность в событии сегодня происходит с помощью СМИ, которые создают «правильные» модели распознавания эмоций и этим влияют на поведение человека. Ограничивая

возможность самостоятельно кодировать ситуацию, человек не в состоянии её и оценить. Это за него делают СМИ. Подобная утрата самостоятельной рефлексивности на событие снижает рациональность и подчиняет её контролю.

Библіографічні посилання

1. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции / Джудит Батлер. Пер. Завена Баблюяна. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. – 168 с. – (Серия «Гендерные исследования»).
2. Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. – 2000.
3. Меланхолия [Электронный ресурс] // Лаканализ. – 2012. – № 12. – Режим доступа: http://lacan.ru/dl/12/lcn012_melancholy.pdf
4. Пайн Джозеф Б., Гилмор Джеймс Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Издательство «Вильямс», 2005.
5. Рикёр П. Память, история, забвение / Поль Рикёр / Пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – (Французская философия XX века). – 728 с.
6. Сувалко А. С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств [Текст]: препринт WP20/2013/05 / А. С. Сувалко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 48 с.
7. Фрейд З. Печаль и меланхолия [Электронный ресурс] // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 211-231. – Режим доступа: http://www.e-reading.co.uk/bookreader.php/60729/Freid_-_Pechal%27_i_melancholiya.html

8. Южакова Е. В. «Меланхолия I» Альбрехта Дюрера: история интерпретаций / Е. В. Южакова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (82). — С. 206-217.

9. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / Карин Юханнисон; пер. со швед. И. Матыциной. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.

Мацишина І. В. Меланхолія як контроль над емоціями.

Аналіз емоційного на рівні меланхолії дозволяє відстежити механізм контролю над суб'єктом. Актуалізація або ігнорування меланхолії за допомогою ЗМІ задає кордони суб'єктивної рефлексивності на подію. Втрата кодування ситуації та здатності самостійно її оцінювати призводить до витіснення емоцій зі сфери особистісного. Звідси видиме (на рівні візуального прояву переживань) піддається контролю влади.

Ключові слова: комунікація, меланхолія, рефлексія, сенситивність, емоції.

Matsyshyna I. Melancholy as a control over the emotions.

Analysis at the level of emotional melancholy traces the mechanism of control over the entity. Actualization or ignoring melancholy through the media sets the boundaries of subjective reflexivity to the event. Loss of coding situation and its ability to independently evaluate can have the results in the emotions displacement from the sphere of personal. Hence the visible (at the level of visual manifestations experiences) is checked by the authorities.

Keywords: communication, melancholy, reflection, sensitiveness, emotions.

Надійшла до редколегії: 15.02.2014 р.

УДК 1 (47) (091)

А. А. Мелешук

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

**ВІДМІННОСТІ В СИНТЕЗІ ЗАХІДНИЦЬКИХ ТА СЛОВ'ЯНОФІЛЬСЬКИХ ІДЕЙ
В ІСТОРІОСОФІЇ Ф. ДОСТОЄВСЬКОГО І ВОЛ. СОЛОВ'ЙОВА**

Розглядається інтерпретація історіософських ідей слов'янофільства і західництва, а також відмінності у спробі їх поєднання у Федора Достоевського та Володимира Соловйова.

Ключові слова: історіософія, Захід, Схід, Європа, Росія, універсалізм, національність, Боголюбство, православ'я, католицизм.

Для геополітичного положення України і Росії з часів Київської Русі була притаманна граничність між двома типами цивілізацій, які були утворені народами Західної Європи та Сходу.

Протягом століть ці фактори сильно впливали на історичний розвиток східнослов'янських народів, наслідки чого ми бачимо і сьогодні. Україна з моменту здобуття незалежності